

И

мя нашего земляка, знатока древнерусской иконописи, искусствоведа и реставратора Павла Павловича Муратова сегодня редко бывает на слуху. Между тем, именно этот человек стоял у истоков и внес огромный вклад в изучение и популяризацию древнерусской станковой живописи. И нынче, когда выдающему мастеру минуло 140 лет со дня рождения, есть действительно хороший повод вспомнить о нем и делах его.

Родился Павел Павлович в марте 1881 года в семье отставного военного врача в городе Боброве Воронежской губернии¹. Отец, будучи человеком военным, мечтал дать своим сыновьям, старшему Владимиру и Павлу, военное образование, поэтому еще ребенком Павел был определен в кадетский корпус. Однако по окончании корпуса, вопреки желаниям отца, он избрал гражданскую службу, поступив в Петербургский институт путей сообщения. Владимир же оправдал надежды родителей, став к 1917 году генералом Генерального штаба, а после Октябрьской революции 1917-го перешел на сторону большевиков.

Карьера старшего брата сыграла положительную роль в судьбе Павла — за все время пребывания его в советской России и до самой эмиграции он преследованиям новой власти не подвергался. Еще будучи студентом института, Павел Муратов, увлекшись революционными идеями, попал под влияние большевиков, но вскоре разошелся с ними, поскольку из-за патриотического порыва не желал поражения своей стране в войне с Японией и даже записался вольноопределяющимся в артиллерийскую бригаду, где получил первый офицерский чин. С окончанием войны, демобилизовавшись, Муратов всерьез увлекся древнерусской живописью, ставшей смыслом всей его жизни. В соответствии с увлечением вокруг него сформировался круг друзей, ставших в первое десятилетие XX века культурной элитой общества — это Борис Зайцев, Александр Блок, Иван Бунин, Андрей Белый и другие. В это же время Павел Муратов начинает публиковаться в литературно-художественных журналах. Статьи его, как правило, посвящались художественным выставкам, проходившим в Москве и Санкт-Петербурге.

В 1909 году Павел Павлович поступает на службу помощника библиотекаря в Московский университет, а вскоре, в 1910 году, переходит помощником храните-

для Отдела изящных искусств и классических древностей Публичного и Румянцевского музеев. С этого времени он проявляет профессиональный интерес к своей работе, посещает музеи не только в России, но и путешествуя, за границей. Размышляя о музейном деле, он публикует свои статьи в таких журналах как «Русские ведомости», «Старые годы». В сентябрьском номере журнала «Аполлон» за 1912 год выходит его статья, посвященная открытию московского «Музея изящных искусств имени императора Александра III», в которой автор указывает главную задачу этого хранилища — быть образовательным учреждением. Здесь же он, видя, что залы заполнены в основном предметами европейского искусства, сетует на то, что в нем не нашлось места для русского: «Мы не обладаем собственным Национальным музеем, где была бы достойным образом собрана наша несравненная иконопись, где была бы показана старинная красота русской церкви, русской деревни, русского купеческого дома, русской дворянской усадьбы»².

Результатом заграничных путешествий Муратова стал выход в 1911 году первого тома книги «Образы Италии». В 1912-м издается второй том, третий — был запланирован на следующий год, но появился лишь в 1924 году в Берлине. По своей сути это издание стало историко-культурным путеводителем по областям южной, центральной и северной Италии с описанием архитектурных и художественных достопримечательностей, а также с осмыслением мифологии в период античности до XVIII века³. Уровень изданий был достаточно высок. Так, известный русский ученый, священник Павел Флоренский использовал материалы книги в одном из самых значительных своих произведений религиозно-философской мысли — «Столп и утверждение Истины»⁴. А философ Владимир Францевич Эрн назвал Муратова «энтузиастом Италии, тонким ценителем живописных чудес треченто и кватроченто», но при этом особо подчеркивал слова Муратова о том, что «что старая русская живопись выше итальянской»⁵.

С 1911 года начинается совместная деятельность Муратова с И.Э. Грабарем по подготовке к изданию «Истории русского искусства», в которой VI том почти полностью был написан Павлом Павловичем и посвящен древнерусской живописи в виде иконописи, фресок, византийской мозаики и шитья допетровского периода.

Год спустя Павел Муратов принимает участие в открытии Ярославского музея икон, много путешествует по центральному губерниям России, посещая храмы и монастыри, знакомяся с древней монументальной живописью. В это же время совместно с издателем Некрасовым он начинает выпуск специального журнала по древнерусскому и византийскому искусству — «София», где у Павла Павловича вышло шесть статей.

В 1913 году Павел Муратов в связи с ухудшением здоровья был вынужден покинуть государственную службу, отдавшись полностью научной и публицистической деятельности. Научно-исследовательская деятельность по древнерусской живописи, а так же ее популяризация сблизила его с коллекционерами, книгоиздателями и просто ценителями русской старины, среди которых был попечитель Третьяковской галереи Остроухов. В 1914 году в количестве 450 пронумерованных экземпляров вышла книга «Древнерусская иконопись в собрании И.С. Остроухова», представляющая собой альбом с фотографическим изображением более семидесяти старинных русских икон, изображенных полностью или фрагментарно. Здесь Муратов пророчески заявил, что «древнерусская иконопись — искусство для художника и собирателя. Покамест это искусство еще малоизвестно. В ближайшем будущем мы переживем стадию увлечения им как новым блестящим эстетическим открытием. Новые ценности займут, наконец, свое историческое место в ряду сокровищ художественной культуры»⁶.

Павлом Павловичем впервые была сделана попытка классификации и периодизации древнерусской иконописи, которая закончилась, по его мнению, в

Павел Муратов

XVII столетии, во время «...падения всей иконописи до ремесла». Он считал, что «перелом в русской культуре произошел не в царствование Петра Первого, но в царствование Алексея Михайловича, когда «Фрязь» в искусстве водворилась гораздо раньше, чем фряжеские нравы и костюмы появились в обиходе. <...> Искусство и в частности иконопись служит любопытным подтверждением того». А уже «В XVIII веке потерпели крушение не столько основы старого русского искусства, пришедшего в полный и окончательный упадок еще лет за сорок до Петра, сколько основы русского собирательства. С чрезвычайной быстротой изменился план русской жизни. В этом плане не оказалось места для хранилища старинных преданий и старинных икон. В несколько десятилетий рассеялось все, что накоплялось веками. Иконостасы барокко и классицизма сменя-

ли, где только возможно, древние новгородские и московские иконостасы. Старинные иконы сваливались в церковных подвалах или на колокольнях. Переписанными и искаженными они сохранились лишь в забытых церквях глухих городов или в олонецких и вологодских деревенских церквях, не знавших ни соседства, ни попечений помещика. Старинная икона совершенно исчезла из помещичьей жизни, наладившейся в XVIII веке».

Спасением для иконы, по мнению автора, стало старообрядчество, свозившее древнерусские образы на далекий север или в «монастырские города» Нижегородской губернии. Центром собирательства в Москве стали храмы на Рогожском и Преображенском кладбищах. Проводя периодизацию допетровской иконописи, Муратов выделяет, по сути, единственную школу — новгородскую, хронологически подразделяющуюся на домонгольский период, ранний, период расцвета, поздний и переходный, когда в конце XVI — начале XVII веков появляются московская и строгановская школы. Однако Муратов не дает им права на самостоятельное существование, считая, что «...по самому своему происхождению московская иконопись была лишь вариантом новгородской», а «строгановская была явлением слишком частным и изолированным по условиям своего существования и питавшимся притом слишком неглубокими корнями», даже «...две крупнейшие индивидуальности в древнерусской живописи, Андрей Рублев и Дионисий, проработавшие всю свою жизнь в Москве <...> определенно примыкают к новгородской традиции». А такие иконописные школы как суздальская, тверская, псковская и ряд других автором даже не рассматривались. Это мнение у Павла Павловича утвердилось и повторялось не единожды в его последующих работах эмигрантского периода.

В Первую мировую войну Павел Павлович попал в действующую армию, проходил службу на Юго-Западном фронте и в прифронтовых частях Крыма, занимаясь противовоздушной обороной Севастополя. Здесь он пишет армейские репортажи, различные статьи и предисловие к книге А. Анисимова «Новгородская икона Св. Феодора Стратилата».

Что касается литературной деятельности Павла Павловича, то она стала своеобразным образцом для Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906–1999), видного русского филолога, искусствоведа, академика АН СССР. В своих «Воспоминаниях» уче-

ный отмечал, что в 30-е годы прошлого столетия решил учиться писать, а для того, чтобы язык был богатым, начал читать научную и искусствоведческую литературу, написанную хорошей прозой, где среди немногих авторов и был П.П. Муратов⁷.

В начале 1918 года Муратов вернулся в Москву, где вместе с И.Э. Грабарем на базе кооперативного движения создал «Комитет по охране культурных и художественных сокровищ России». Комитет просуществовал недолго, но за счет средств кооператоров удалось пополнить экспонатами ряд музеев обеих столиц. В конце года Павел Павлович организует «Книжную лавку писателей», представлявшую собой букинистический магазин, который помог выжить в условиях голода 1918–20 гг. его друзьям-писателям. В это же время Муратов сотрудничает с Наркомпросом, будучи членом «Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины». Это сотрудничество оказалось не бесполезным, так как удалось сохранить ряд частных коллекций от разграбления (например, коллекция икон И.С. Остроухова хранится в Государственной Третьяковской галерее), спасти старые дворянские усадьбы от разорения, ставшие сейчас жемчужинами Подмосковья, а также участвовать в реорганизации музеев. Так, на базе библиотеки Румянцевского музея была создана известная сейчас Российская Государственная библиотека.

События 1921–1922 годов побудили Павла Муратова покинуть Россию. Будучи известным в Москве ученым-искусствоведом, летом 1921 года он был приглашен для сотрудничества в общественный Всероссийский комитет помощи голодающим, возглавляемый писателем В.Г. Короленко, а в августе члены комитета были арестованы ВЧК, и лишь заступничество А.М. Горького помогло освободить арестантов. Да и к тому же идеологическая ситуация в сфере культуры изменилась в начале 20-х годов: с созданием в системе Наркомпроса Главлитпросвета можно говорить об установлении политической цензуры в сфере культуры. Эмигрировали Н.П. Кондаков, Г.К. Лукомский, а в августе 1922 года по решению Политбюро из страны были высланы многие и многие представители отечественной культуры — так называемый «философский пароход»⁸.

В 1922 году большевики, воспользовавшись голодом, начали изъятие церковных ценностей из храмов и монастырей. Муратов болезненно переживал разрушение того мира, которому он посвятил себя, особенно когда с любимых им икон варварски срывались оклады, осквернялись священные сосуды. В это же время большевики принимают решение направить за границу художественную выставку в целях сбора средств для голодающих. Муратов активно участвует в ее подготовке, и когда в сентябре 1922 года удаётся выехать в Германию как одному из организаторов выставки, то он принимает решение в Россию не возвращаться.

В Берлине он встретил своих старинных друзей: А. Белого, Б. Зайцева, В. Ходасевича, М. Осоргина, которые помогли ему войти в круг писателей русского зарубежья, принять участие в литературной жизни, тем самым зарабатывать на хлеб. Публикуется Павел Павлович в «Современных записках», «Звене», издающихся в Париже; тематика его статей, как правило, охватывает круг вопросов, связанных с византийским и древнерусским искусством, а также откликами на события, происходящие в Москве; такие, к примеру, как издание Грабарем, возглавившим Центральные государственные реставрационные мастерские, сборника «Вопросы реставрации».

В 1923 году Муратов по приглашению итальянских властей вместе с Н. Бердяевым, Б. Зайцевым, С. Франком, М. Осоргиным переехал в Рим, где проживал в течение четырех лет, встречался с А.М. Горьким, вел переписку с друзьями, оставшимися в России.

В 1927 году Павел Муратов переезжает в Париж, где пишет статьи в газету «Возрождение», ведя рубрику «Каждый день», высоко ценимую И. Буниным, и начинает сотрудничество с обществом «Икона». Общество это было создано возглавив-

шим его В.П. Рябушинским, а Муратов был избран секретарем. Заслуга общества заключалась в популяризации древнерусской иконописи путем проведения выставок во многих европейских столицах, участием в строительстве и росписи православных храмов-памятников в Праге, Париже и Брюсселе. К Русской церкви присоединилась и Сербская православная церковь. Было принято решение строить храм Во имя Святого и Праведного Иова Многострадального в память царя-мученика Николая II и всех русских людей, богоборческой властью в смуте убиенных. Создаются также специальный Комитет по строительству, Художественно-техническая комиссия для подготовки проекта и росписи храма-памятника во главе с академиком живописи И.Я. Билибиным. Вот в эту комиссию и вошел как искусствовед П.П. Муратов⁹. Освящение храма прошло в 1950 году, в год смерти Павла Павловича, работа которого в комиссии была по заслугам оценена. На одной из памятных мраморных досок брюссельского храма-памятника увековечено имя Павла Павловича надписью: «Проект утвержден художественной комиссией, в коей были профессор Николай Окунев, Павел Муратов, Иван Билибин, Николай Краснов»¹⁰.

Объем и качество издаваемых статей сделали Павла Павловича одной из крупнейших фигур русского зарубежья в области истории древней иконописи, а изданные им сборники в 1925, 1928 и 1931 годах на французском языке принесли ему всемирную известность. В середине 1931 года на французском языке вышел самый знаменитый труд П. Муратова «Trent-cing primitifs russes»¹¹. Теперь его стали приглашать с чтением лекций во многие страны. Так, в 1933 году он побывал в Англии, где познакомился с дипломатом, коллекционером икон, знатоком русской истории У.Э.Д. Алленом, дружба с которым продлилась до последних дней Муратова.

В 1934–1940 годах Павел Муратов жил в Японии, США, Франции, пока Вторая мировая война не заставила его поселиться в Англии. Здесь он работал в качестве военного обозревателя в ряде ведущих британских газет и занимался историей Первой мировой войны. В соавторстве с Алленом написал труд о русско-турецких войнах на Кавказе за сто лет, начиная с 1821 года, а также работу о «Русской кампании 1941–1945гг.».

Незадолго до смерти Павел Павлович Муратов переселился в ирландское поместье своего друга Аллена, где и ушел из жизни 5 ноября 1950 года. Похоронен он был недалеко от поместья возле католического храма. Кончина всемирно известного ученого, писателя, искусствоведа, знатока византийской и древнерусской иконописи, в среде русской эмиграции осталась практически никем не замеченной.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Краткая литературная энциклопедия. В 8 т. / Гл. ред. А.А. Сурков. — М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 5: Мурари — Припев, 1968. 976 столбцов.

² Муратов П.П. Музей изящных искусств в Москве // «Аполлон» № 9. — СПб.: 1912. С. 49.

³ Муратов П.П. Образы Италии. Т.1., М.: Научное слово. — 1911. С. 8.

⁴ Флоренский Павел, священник. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2012. С. 548.

⁵ Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Лекция вторая. Сочинения. — М.: «Правда», «Вопросы философии», 1991. С. 386–387.

⁶ Муратов П.П. Древне-русская иконопись в собрании И.С. Остроухова. № 234. — М.: К.Ф. Некрасов, 1914. С. 8.

⁷ Лихачёв Д.С. О жизни: (Воспоминания). М.: Издательство АСТ, 2019. С.358.

⁸ Полякова М.А. Охрана культурного наследия России. — М.: Дрофа, 2005. С. 173.

⁹ Храм-Памятник в Брюсселе (Документальная хроника). Сост.: А.М. Хитров, О.Л. Соколомина. Под ред. гр. М.Н. Апраксиной. — М.: Паломник-Град Китеж, 2005. С.15.

¹⁰ Там же. С. 326.

¹¹ Там же. С. 247.